

П. Ф. Лимеров

КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР ИВАНА КУРАТОВА: К ВОПРОСУ О ВЛИЕНИИ ПОЭЗИИ Н. А. НЕКРАСОВА НА ТВОРЧЕСТВО ЗЫРЯНСКОГО ПОЭТА

В истории коми национальной культуры творчество И.А. Куратова явление огромного общественного и художественного значения. Оно положило начало созданию коми литературной традиции и включения этой традиции в общероссийский литературный процесс. В статье рассматриваются стихотворения И.А. Куратова, посвящённые крестьянской теме, предлагается их аналитическое прочтение в контексте произведений некрасовской школы русской поэзии. Обращение Куратова к крестьянской теме не было данью конъюнктуре, моде «на народ», возникшей в русской литературе к середине XIX века. Свою задачу Куратов видел в создании панорамы коми крестьянской жизни – в отдельных человеческих судьбах, характерах, в мироощущении этих людей, их жизненной философии.

Ключевые слова: поэтическая система, крестьянский мир, коми народ, некрасовская школа, национальный характер, философская лирика, тема смерти.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-440-450

Первые стихотворения Ивана Куратова были написаны им во время учебы в Яренском духовном училище под псевдонимом *А. И. Гугов* в 1853 году. Псевдоним образован по принципу анаграммы: *А. И. – И. А.*, *Гугов* – производное от коми *гуг* – ‘обратная сторона, изнанка’. Таким образом, *А. И. Гугов* – «оборотный, другой», то есть литературный двойник. Так начинается складываться авторская мифология Ивана Куратова: в автобиографических заметках он пишет, что *А. И. Гугов* начал писать стихи с 13 лет, когда еще с трудом осваивал русский язык. «Но он писал поэтически, причем употреблял Стефановскую азбуку (по Савваитову)¹, чтобы «...не подвели под розгу, вычитавши воспеваемую им любовь» [Куратов 1988, 86]. Переписанные кириллицей в возрасте семнадцати лет, по словам самого автора, эти стихи составили тетрадь «Немасудж» («Вот тоже работа») [Куратов 1988, 89], однако в сохранившейся одноименной тетради тех ранних стихов нет (самое раннее стихотворение из этой тетради датировано 1856 г.). Как поэт, пишущий на коми, Иван Куратов был обречён на творческое одиночество; равных себе коми поэтов он не найдёт и в будущем, а *А. И. Гугов* так и останется его единственным «со-вопросником и собеседником», стихи которого будут выделены в отдельную «Тетрадь Гугова».

Стихотворчество Куратова продолжается в период его учебы в Вологодской духовной семинарии в 1854 – 1860 гг. Не сохранилось ни одного стихотворения первого года учёбы, и только одно стихотворение «Хохольяслён» (Малоросское) датировано 1856 г. – вторым годом риторического класса. Это стихотворение – перевод печальной песни «Виютьветри, виютьбуйни», с которой начинается пьеса И.К. Котляровского «Наталка-Полтавка» (1819) [Ельцова, 2018, 44]. Стихотворение переписано в авторское собрание «Коми гор» в 1873 году, очевидно, из более ранней, несохранившейся тетради. Всего оригинальных стихотворений семинарского периода насчитывается восемнадцать, но, как отмечает А.Н. Фёдорова, до нас не дошло ещё по крайней мере одиннадцать упоминаемых Куратовым «стихотворений Гугова» [Фёдорова 1972, 30]. Создаётся впечатление, что всё, написанное до 1857 года, Куратов сознательно уничтожил, и для этого нашёл убедительные основания. Поступив в семинарию, Куратов не только получает возможность углубить свои филологические знания, но и

¹ «Грамматика зырянского языка» была составлена и издана П.И. Савваитовым в 1850-м году для «Зырянского класса» Вологодской духовной семинарии. Здесь впервые был опубликован список Стефановского алфавита из «Номоканона» 1510 года.

становится активным читателем современной ему русской литературы, уже вступающей в эпоху «Золотого века».

В литературоведении с давних пор установилось мнение, что поэтическое взросление Куратова происходило под непосредственным влиянием творчества Н. А. Некрасова и других, так называемых прогрессивных писателей, главным образом сотрудников журнала «Современник». Эта точка зрения вполне справедлива, если учитывать популярность среди современников как самого журнала, так и поэзии Некрасова. Однако ближайшее рассмотрение стихотворений Куратова и Некрасова показывает, что сходные мотивы их поэзии имеют совершенно иные идеологические установки.

Спустя сорок лет после смерти Гоголя известный российский деятель культуры Пыпин писал: «Великое значение Гоголя заключается в том, что он впервые направил гениальное художественное творчество не на отвлечённые темы искусства, не на один спокойный, часто как бы бесстрастный эпос, но именно на прямую житейскую, обыденную действительность, и вложил в свой труд всю страсть искания правды, любви к простому человеку, защиты его права и достоинства, обличения всякого нравственного зла, окружающего нашу жизнь» [Пыпин 1905, XIV]. Когда Ф. М. Достоевский в своей известной речи сказал: «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя», – он не лукавил. Тот же А. Н. Пыпин отмечает, что «первое произведение Достоевского «Бедные люди» было прямо вариантом «Шинели Гоголя» [Пыпин 1905, XIV]. Это не значит, что Достоевский был эпигоном Гоголя, но его «Бедные люди» стали возможны, потому что Гоголь открыл обычному человеку путь на страницы большой литературы.

Тем не менее этот путь оказался долгим и тернистым. Особенно это касается образов крестьян в литературе. В годы «мрачного семилетия», завершающего правление Николая I, крестьянская тема была попросту запрещена. Так, известные всем «Записки охотника» И. С. Тургенева, изданные в 1852 году отдельной книгой, вызвали столь сильный гнев, что был уволен цензор, допустивший издание, – князь В. В. Львов, а о книге было запрещено объявлять в журналах. Тем не менее начало было положено, и вслед за «Записками охотника» появились рассказы А. Ф. Писемского «Питерщик» («Москвитянин», 1852, № 23) и «Леший» («Современник», 1853, № 11), роман А. А. Потехина «Крестьянка» («Москвитянин», 1853, №№ 19-22), роман Д. В. Григоровича «Рыбаки» («Современник», 1853, №№ 3-6, 9), рассказы о городских низах И. Т. Кокорева [Егоров 1971, 55]. Наконец, к крестьянской теме в 1850-е гг. обращается Н. А. Некрасов: если в стихотворениях 1849-1852 гг. эта тема случайна среди стихотворений лирического плана, то в 1853—1854 гг. в стихотворениях: «В деревне», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского», «Буря», «Несжатая полоса», «Влас» народу отводится главная роль. В дальнейшем тема крестьянства и простого народа становится основополагающей в русской литературе, заметно потеснив тему мытарств «образованного индивидуума» и романы из «светской жизни» [Егоров 1971, 57].

Тема стихотворений Некрасова – история жизни человека социального «низа» – мелкого чиновника, проститутки, крестьянина, солдата – сразу выделила его в литературной среде. Стихотворения имели повествовательный сюжет и строились как рифмованные новеллы с одним или несколькими героями. Известный исследователь творчества Некрасова Н. Н. Скатов так пишет о них: «Огородник и крестьянка-старуха, бедный интеллигент-разночинец и богатый ханжа-барин обрели в его поэзии свой голос. Вот такое умение Некрасова войти в мир других, многих людей, стать поэтом массы и определило своеобразие его многогранной, многогеройной и многоголосной лирики. «Передо мной, – вспоминает современник слова поэта, – никогда не изображенными стояли миллионы живых существ! Они просили любящего взгляда! И что ни человек, то мученик, что ни жизнь, то трагедия» [Скатов 1991, 152]. Голоса отдельных людей – вот что стало литературным открытием Некрасова. Однако всеобщее признание пришло к нему после выхода в 1856 году сборника стихов «Стихотворения». Успех книги был грандиозным, сравнимым разве что с выходом «Мёртвых душ» Гоголя. Здесь были стихотворения о народе и стихотворения-фельетоны, сатирически обличающие его угнетателей, пародии, нашлось место и любовной лирике. Открывался сборник знаменитым декларативным стихотворением «Поэт и гражданин», мотивировавшим гражданскую позицию Некрасова.

Книга была на слуху у всей читающей России, и Куратов-семинарист не мог её пропустить. Очевидно, книга его потрясла: Куратов осознает, как и о чем нужно писать. Происходит пересмотр всего созданного за эти годы; юный поэт понимает, что «вирши», сочиненные им в Яренске, да и в Вологде (до Некрасова), те, в которых он от имени Гугова «воспевал любовь», никуда не годятся. Скорее всего он поступил со своими стихотворными тетрадками так же, как Некрасов со своим первым стихотворным сборником «Мечты и звуки»: он их сжёг. От этого первоначального этапа творче-

ства он оставил только название своего первого рукописного сборника «Немасудж» «Вот тоже работа» и имя своего литературного двойника – А. И. Гугов.

Стал ли Куратов в своём творчестве последователем Некрасова? В советском литературоведении ответ на этот вопрос был однозначно положительным. А. Н. Фёдорова, биограф поэта, считала, что поэзия Куратова близка Некрасовской по тематике и образам, а в стихотворениях крестьянской темы она называет Куратова «преемником» Некрасова [Фёдорова 1972, 63]. Ей вторит В. М. Мартынов: «Чем больше вникаешь в творчество Куратова, тем больше убеждаешься, что оно по своей тематике, содержанию, образам и идеям более всего сопоставимо с творчеством Некрасова. Родство их творчества заметно в стихах того и другого, посвященных крестьянскому быту, народу и его жизни, в стихах описывающих положение женщины-крестьянки, женщины-матери» [Мартынов 1973, 87]. Аналогичные рассуждения можно обнаружить и у других литературоведов, писавших о Куратове. Как правило, исследователи видят в картинах крестьянского быта, описанных Куратовым, критику социально-политической обстановки царской России и рисуют его образ как поэта-бунтаря, убеждённого последователя революционно-демократических идей, взлелеянного творческим гением соотечественников «Современника»: Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова.

Можно с уверенностью сказать, что если Куратов и увлекался политическими идеями писателей-прогрессистов, то ни в его записях, ни в его поэзии нет даже мимолётного упоминания о революционно-демократических увлечениях. Влияние Некрасова видится в том, что Куратов раз и навсегда избрал главной темой своего творчества народную жизнь, но жизнь коми народа, а не русского. От Некрасова он усвоил повествовательность, сюжетность своих стихотворений, использование прозаизмов, многогеройность; Некрасовым навеяны и некоторые сатирические стихи Куратова. Но есть одна большая и принципиальная разница в отношении поэтов к тому, о чём они пишут. Некрасов поэтизировал страдания народа. Люди – это безвинные жертвы, угнетённые злыми тиранами, которых поддерживает существующий строй. Им противостоят народные заступники, бескорыстность и жертвенность которых не знает границ: «Иди к униженным, иди к обиженным, там нужен ты!». Куратов напротив, никогда не сочинял стихов о народных страданиях – он сам, плоть от плоти народа, знал народную жизнь не понаслышке и не видел в этой жизни всего того, о чём писал Некрасов. Любил ли Куратов поэзию Некрасова? Позднее, в Усть-Сысольске, Куратов запишет в свою тетрадь: «Усть-Сысольские критики Некрасова ставят выше Пушкина. Гм! Если циклоп возьмёт ребёнка на голову, то ребёнок будет выше циклопа» [Куратов 1988, 21]. В. И. Мартынов истолковывает эту фразу так, будто Куратов имеет в виду прямое наследование Некрасовым Пушкинской традиции [Мартынов 1988, 10]. Но Некрасов никогда этой традиции не придерживался, даже напротив, шёл с ней в разрез. Более того, выше Пушкина Некрасова ставили не только критики из Усть-Сысольска, но и столичные. Известный случай с речью Достоевского на похоронах Некрасова тому подтверждение: после сравнения таланта Некрасова с Пушкинским, из толпы закричали: «Он выше Пушкина!». Что касается точки зрения Куратова на творчество этих двух поэтов, его слова однозначны: Некрасов – ребёнок по сравнению с «циклопом»-Пушкиным. Куда ни поставь ребёнка – хоть на голову (пусть он будет выше), хоть рядом – он ребёнком и останется. Это не значит, что Куратов относился к творчеству Некрасова плохо; он оценивал его объективно, без слепой веры в народнические сказки. Но и переводов Некрасова на коми язык у него нет.

Без сомнения, такие произведения раннего вологодского периода, как «Вёла» («Всадник», 1858), «Пёрысь морт» («Старик», 1859), «Абрис» (1859), «Шонді садьмас» («Солнце проснётся», 1859), созданы под влиянием Некрасова. Подобно Некрасову, юный Куратов строит свои стихотворения на описаниях реальных эпизодов из народной жизни. Так, в основу стихотворения *Вёла* «Всадник», по всей видимости, лёг случай, услышанный Куратовым: человек на лошади обгоняет в лесу тяжело гружёный купеческий воз; в сердце всадника рождается зависть, а в голове – мысль об убийстве возничего. Стихотворение «Пёрысь морт» («Старик», 1859) также строится «по-некрасовски» – как разговор с крестьянином. Однако у Некрасова авторская речь чередуется с простонародной речью крестьянина, указывая на разницу в социальном положении героев, у Куратова же герои говорят на одном и том же коми языке, при этом автор как бы провоцирует героя на высказывание и «уходит» за пределы текста, предлагая читателю «выслушать» его историю. Темой стихотворения является жизнь старика в семье сына и его непростые взаимоотношения с ним. Первая строка *Ой-ой, мый нё сидзи ола / Дыр!* «Ой-ой, что же я живу так / Долго!» создает основной смысловой фон стихотворения: жизнь в тягость старику, он живёт в ожидании смерти. Вторая строка *Огповадысь, тысьь пола / Пыр* «Не бо-

юсь ада! Боюсь сына / Всегда!» [Куратов, 1979, 26-27]² объясняет первую, противопоставляя вечные муки ада мучительному страху перед сыном. Далее разворачиваются образы, в которых старик раскрывает причину своего страха: сын считает его дармоедом и унижает, хотя и обязан своим богатством отцу. Заканчивается стихотворение предчувствием стариком собственной смерти – встречей с душой-двойником человека, *ортом*, вестником скорой смерти: *Мытшасян да гуд усян / Пон! / Пернапассё чётас гусьён / Зон!* «Столкнешься (с ортом – ПЛ) и упадешь в могилу, / Конец! / Перекрестится тайком / Сын!» [Куратов, 1979, 27].

В отличие от Некрасова Куратов не размышляет о несчастной участи и судьбе обездоленного народа, нет у Куратова и типичного для Некрасова образа крестьянского «обидчика». Напротив, «обидчики» и унижаемые здесь принадлежат одному крестьянскому сословию или даже одной семье. Уже в ранних стихотворениях Куратова отсутствует мотив социальной напряжённости, у него нет противопоставления высшего сословия низшему, дворянского мира крестьянскому. Конфликтность, униженность героев, если она присутствует в стихотворении, мотивируется природными качествами самого человека – его склонностью ко злу, зависти, стяжательству, которые приводят к греху. Куратов – человек духовного сословия, и христианская составляющая в его творчестве очень существенна.

Окончательно формируется концепция крестьянской темы в творчестве Куратова в Усть-Сысольский период его жизни. Стихотворения этой темы образуют особый цикл, позволяющий литературоведам отнести Куратова к поэтам некрасовской школы. В частности, Н.В. Вулих ставит его в один ряд с такими представителями этого направления, как М. Михайлов, В. Курочкин, Л. Трефолев, С. Дрожжин, И. Суриков, несмотря на то, что Куратов писал на коми языке [Вулих 1994, 18]. С этим можно согласиться, принимая во внимание объяснение этого понятия Н.Н. Скатовым. «Некрасовская школа», как видит её Скатов, – это система художественных принципов, которая сложилась в русской поэзии к середине XIX века. Сам термин возник ещё в 60-е гг. XIX века, а направление, обозначаемое этим термином, появилось до Некрасова. Так, некоторые произведения Н. П. Огарёва, М. Л. Михайлова, И.С. Никитина напоминают некрасовские, но написаны до появления оригинальной некрасовской поэзии или одновременно с ней. Однако наиболее ярким индивидуальным воплощением этой школы является Некрасов, давший ей своё имя [Скатов 1982, 383–384]. Влияние поэзии некрасовской школы на формирование художественной концепции Куратова трудно отрицать, вместе с тем в раскрытии Куратовым крестьянской темы есть своя специфика, отдаляющая его от некрасовского направления. Обращение Куратова к крестьянской теме не было данью конъюнктуре, моде «на народ», возникшей в русской литературе к середине XIX века. Он был далёк от круга поэтов журнала «Современник». Куратов читал журнал, читал Некрасова и поэтов некрасовской школы, но не входил в их круг общения; более того, он был отделён от них огромным расстоянием, и, самое главное, – языком. Некрасов и поэты его круга писали о народе, но для читающей интеллигенции, Куратов же писал стихи, как сказали бы сегодня, «в стол»; у него не было определённого читателя, поскольку его стихи не издавались, но потенциальным читателем должен был стать тот самый коми народ, о котором он писал. Отсюда – разность задач, которые ставили для себя поэты некрасовской школы и Иван Куратов. Первые нагнетали протестные настроения, акцентируя внимание читателя на страданиях народа, Куратов же стремился к созданию панорамы коми крестьянской жизни – в отдельных человеческих судьбах и характерах, в мироощущении людей, их жизненной философии.

В этом смысле показательным стихотворение «*Голь зон*» («Парень-бедняк», 1864), написанное Куратовым по мотивам стихотворений А. В. Кольцова («Песня Лихача-Кудрявича») и И. С. Никитина («Песня бобыля»). Центральный образ всех трёх стихотворений – парень-бедняк, раскрывающий перед читателем (слушателем) обстоятельства своей жизни, свои личные ценностные установки. Акцент в данном стихотворении ставится на бедности персонажа, что способствует репрезентации замысла автора: душевные качества героя раскрываются относительно противопоставленных понятий – бедности и богатства. Как отмечает Вулих, Лихача-Кудрявича Кольцова «счастливым и несчастным делает судьба, неподвластная человеку: «не родись богатым, а родись кудрявым, по щучьему велению всё тебе готово», в то время как у Никитина Бобыль-бедняк чётко очерчен и как индивидуальность, и как социальный тип» [Вулих 1994, 27]. Ещё резче разницу между этими двумя персонажами обозначил Н.Н. Скатов: «У Кольцова в герое находит выражение судьба как данность, не могущая быть осужденной, у Никитина предстаёт социальная судьба, которая может и должна

² Здесь и далее стихотворения Куратова цитируются по сборнику [Куратов 1979]. Подстрочный перевод автора статьи

быть осуждена» [Скатов 1982, 390]. У Куратова же нет ни идеи судьбы, ни концепции социальной несправедливости; это стихотворение о бесшабашной молодости, когда можно жить, не задумываясь ни о своей бедности, ни о чужом богатстве. Для героя Куратова главное в жизни – свобода. Его изба – весь белый свет, скотина – звери в лесу: поймаешь, кого хочешь. Пиво – целая река, накормят и напоят тебя: в любом доме нужны рабочие руки. Парень не болеет печалью, болезнью богача, за это его и любят девушки. Заканчивается стихотворение всё же на печальной ноте: «Грустные песни не поём, / Они остаются в сердце!». В целом же, Куратовский персонаж, в отличие от героев Кольцова и Никитина, «хозяин и архитектор собственной судьбы», как справедливо отмечает Л.Е. Сурнина [Сурнина 2014, 313].

Интересно, что Куратов не отмечает это стихотворение, как перевод. У своих предшественников он берёт только тему и строит лирический сюжет на зырянском материале. Наверняка ему было известно и стихотворение Р. Бёрнса на аналогичную тему. Об этом пишет Н.В. Вулих:

«Я в путь пустился без гроша,
Но был беспечный малый.
Богатым быть я не желал,
Великим быть – пожалуй!» [Вулих 1994, 26]

По духу это стихотворение Бёрнса намного ближе произведению Куратова, чем стихотворения на эту же тему его русских предшественников. Бёрнс привлекает Куратова тем, что его герои из народа отличаются независимостью характеров. В 1862 году он пишет стихотворение *«Грездса ныв карса баринлы»* («Деревенская девушка городскому барину»), тема которого восходит к стихотворению Бёрнса «Подруга угольщика». В основе лирического сюжета – диалог между бедной девушкой и богачом, предлагающим ей богатство и сытую жизнь, если она уйдёт от своего жениха-угольщика. Девушка отвергает притязания богача, предпочитая богатству любовь. Куратов использует этот сюжет, помещая обоих героев в пространство зырянской деревни. В отличие от оригинала, стихотворение Куратова строится как монолог-отповедь девушки; её городской оппонент, барин, уже сказал своё слово – оно осталось за пределами текста. Как и героиня Бёрнса, девушка-зырянка отвергает барина:

*Ышмин, кокньыд барин, ышмин!
Вешйы сэтшюм сёрнинад..
Мем-ö овны сэнй, карын,
Мем-ö югыджырьясад
Вежнясьны да ручкуасьны?
Мем озлöсьяв кринолин,
Шыльыд джодж вылад ме вильда,
Эзысь кизьыд ёрас син...*
[Куратов, 1979, 41]

Шалишь, лёгкий барин, шалишь!
Отойди (от меня) с такими разговорами...
Мне ли жить там, в городе,
Мне ли в светлых залах
Кривляться и ручкаться (пожимать ручки)?
Мне не идёт кринолин,
На гладких полах я буду скользить,
Серебряные пуговицы режут глаза...

Другим весомым аргументом отказа для девушки является вопрос языка: «Там изменишься станешь, как русская! / С кем мне болтать по-русски?», «Сам ты, хоть и барин, да не можешь / Хоть пол слова сказать деревенским... / Уйди, с глаз долой, дьявол!». Последняя фраза придаёт образу городского барина нотку inferнальности, а сам этот разговор вдруг получает значение известного в христианской литературе мотива соблазнения праведника чёртом. Спасителем девушки, однако, оказывается не поп, а её милый – деревенский парень.

В изображении народной жизни Куратова интересует прежде всего природа самого человека: то, что Н. Г. Чернышевский, отзываясь на первые повести Л.Н. Толстого, назвал «диалектикой души». История человеческой жизни рассматривается Куратовым как драматический сюжет, имеющий начало – молодость и итог – старость. Молодость – весна жизни, характерна красотой, надеждами и ожиданием счастья; старость – зима, она состоит из событий, складывающихся в человеческую судьбу, в цельное повествование. Молодости посвящены стихотворения *«Муса ныланöй, мича аканьöй»* («Милая девушка, красивая куколка», 1862), *«Том ныв»* («Юная девушка», 1865), *«Том зон»* («Юноша», 1865), *«Тури да рака»* («Журавль и ворона», 1865), написанные Куратовым в Усть-Сысольске. Особенностью этих стихотворений, является назидательная авторская интонация, с которой поэт обращается к юношам и девушкам: молодость коротка, лучше посвятить её любви, чем тратить попусту. Вот пример из стихотворения *«Том зон»* «Юноша»:

Кывлін, эм пö рай?
 Сэтчöэна на кай!
 Кувны и пöрысьён
 Эштамö тай...
 Йöзлы абу мог!
 Йöзлы абу шог!
 Мед вöлі найöлы
 Шань оласног...
 Нывкöд, зон, шуда ло!
 Йöзлы мый мог!
 [Куратов, 1979, 58]

Слышал, где-то есть рай?
 Туда не торопись!
 Умереть и состариться
 Ещё успеем...
 Людям нет дела!
 Людям нет заботы!
 Пусть они хранят
 Добрую нравственность...
 С девушкой, парень, будь счастлив!
 Какое дело людям до вас!

Молодости, как поре счастья, противопоставлена старость. Старость нарративна, за ней стоит целая жизнь, и она уже не вмещается в рамки лирического стихотворения. Здесь Куратов обращается к жанру лирической новеллы, разработанной Некрасовым. Впрочем, Куратов в этом жанре уже не новичок, первым опытом можно считать стихотворение «Пöрысь морт» («Старик», 1859), вологодского периода. Следующим опытом лирической новеллы стало стихотворение «Эльтчöм» «Обида», написанное уже в Усть-Сысольске. Это частная история женщины, вышедшей замуж за сына богатых родителей. Но вот минули молодые годы, умерли родители мужа, он получил наследство, и теперь ему уже не нужна старая жена. Повествование строится от лица женщины, выговаривающей мужу всё, что накопело за годы их жизни. Её монолог полон гнева, упрёков, жалоб и осознания безысходности своей жизни. Кажется, последовательное нагнетание напряжения вот-вот достигнет высшей степени отчаяния и оборвётся нерв, но в последней строфе психологическая ситуация неожиданно разворачивается, меняя смысл всего стихотворения:

Тэ, гаикö, шуан: со тайö видчö
 Сьöлмö сбурмöди, висьталі быдсö
 Тэ кö эн вöв, эз и сьöлмöй потлы,
 Не тэдкö, норасьны понда ме кодлы?
 [Куратов, 1979, 40]

Ты, может, скажешь: вот, мол, ругается!
 На сердце стало легче, всё тебе высказала!
 Если бы не ты, не разбилось бы моё сердце,
 Если не тебе, кому ещё мне пожаловаться?

От гневного, отчаянного прорыва обиды – к тихой жалобе. В этой небольшой, но ёмкой по психологизму лирической новелле Куратов показывает себя мастером глубокой психологической разработки характера героини, тонким знатоком человеческой души. Другие лирические новеллы, написанные в этот период: «Пöрысь ныв» («Старая дева», 1862), «Тима, дерт нин пöрысь» («Тима, конечно, стар», 1864), «Гöстькöд» («С гостем», 1865), также демонстрируют многообразие психологически раскрытых образов. Одним из наиболее ярких стихотворений всего крестьянского цикла, несомненно, является «Тима, дерт нин пöрысь» «Тима, конечно, стар». Пожалуй, из всех лирических новелл о крестьянах это единственная, где герой имеет собственное имя. Куратов явно симпатизирует своему герою, живописуя его характер сочными, колоритными красками. Тима – один из тех коми крестьян, что сохранили молодость духа до глубокой старости. Он балагур, у него всегда есть о чём поговорить – плетет в один клубок и былё, и небылицы. Скабрёзные шутки всегда готовы слететь с его языка: девушка, услышав, убегает, сгорая со стыда. Такого как Тима не встретишь в кругу монахов. Но ведь хозяйство у него в порядке, огород прополот, деньги всегда есть, и не знает он, где находится кабак, не курил сроду. Не умеет Тима ни обмануть, ни украсть. Всем он хорош, вот только чёрт дал ему острый язык.

Рисуя образы коми крестьян, Куратов словно бы сознательно избегает социальных мотивов, заостря внимание на психологическом облике своих героев, он точен в бытовых деталях, этнографичен. Как Некрасов, он включает «в сферу лирического сознания многих и разных героев» [Скатов 1982, 389], но, в отличие от Некрасова, главной темой его лирических новелл является человеческая судьба. Не фатальная предопределенность, характерная для Кольцова, а полная драматических коллизий человеческая жизнь, сложившаяся у каждого из героев по-своему. В поэтическом мире Куратова совокупность этих судеб обретает вид человеческого общежития, мира людей. В стихотворениях «Видзöд, эстön жырыс» («Посмотри, эта горница...», 1864), «Коми бал» (1865), в более позднем – «Закар ордын» («У Захара», 1867) он как бы отстраняется от конкретных судеб и показывает людей именно как общество, мир. Для того, чтобы показать общество в целом, поэт выбирает типовые ситуации гостевания или деревенских посиделок. Эти ситуации отличаются тем, что деревенское

сообщество (молодые, старые, дети, богатые или бедные) собирается под одной крышей, в одной избе, символизируя весь крестьянский мир. Для поэтической мифологии Куратова изба имеет значение мира в целом, «своего» мира. Вход в избу равнозначен рождению, а выход – смерти. Поэтому в стихотворении «*Коми бал*» описание происходящего в избе начинается с общих слов о том, что любой вошедший на «коми бал» (посиделки) уважаем здесь и любим, а первым зримым образом является плачущий на руках матери ребенок. Далее кинематографически детально и последовательно выделяются образы сидящих на полатах и печи детей, затем поющих и пляшущих в середине избы молодых людей и в углу, под полатами, гипотетическая камера обнаруживает одинокую старуху, которая, выпив вина, притопывает в такт пляшущим. В разворачивании образов гостей от «младенцев» к «старикам» угадывается идея движения поколений, движения человеческой жизни от рождения к смерти. Выпившая старуха вдруг выходит в центр пляшущей молодежи и пытается спеть, как в молодости, но ноги её не держат, и из горла вместо песни вырывается плач.

Большое значение Куратов придает звуковому оформлению этого стихотворения. Каждая деталь, каждый эпизод посиделок несут конкретную акустическую нагрузку. Шум голосов, плач ребенка, звучание песен, пляска – всё в совокупности составляет особый мелодический образ посиделок. Название «*Коми бал*» тоже не случайно. Понятие «бал» имеет прямые ассоциации с темой музыки. С другой стороны, бал предполагает музыкальный праздник едва ли не ритуальной организации [Лотман 1994, 91]. Куратов, несомненно, знакомый с дворянской культурой бала, намеренно связывает его внутреннюю организованность со структурой посиделок для того, чтобы подчеркнуть их ритуальность и аналогичную значимость для деревенской культуры. Вводный первый стих: «Вот где был бал!» предполагает противопоставление именно этого бала, как настоящего, любому другому – настоящему. Звучание посиделок, таким образом, не хаотично, а ритуализованно, космично; это уже особая мелодика, символизм которой восходит к известной мифологической парадигме «космической гармонии», «музыки сфер». Плач старухи кажется будто бы диссонирующим этому хору, однако завершение стихотворения на ноте плача указывает на его необходимость в мировой гармонии так же, как необходима и смерть.

Достаточно наглядно космический символизм деревенских посиделок представлен в стихотворении «*Видзёд – эстён жырыс...*» («Посмотри – эта горница...»). Куратов подчеркивает маленькие размеры горницы: *куд ыджда* «с лукошко», чтобы читатель отметил тесноту среди вошедших в избу людей. Теснота оценивается положительно, она объединяет людей в целом, а также объединяет и пары: *Лоас тэд, поп-батъой, / Козиныд мый ёні! / Видзёд –ётторъяпыр, / Том йёз дзескёдчоны!* «Будет тебе поп-батюшка / Множество подарков! / Смотри – как постоянно / Молодые теснятся». Теснота и единение становятся основными характеристиками молодости, тогда как не-теснота, разъединение характеризуют старость: *Ой, гёрд томлунаной, / Йёзс матёдысьой! / Ой, жеб пёрысьмёмой, / Йёзс разёдысьой!* «Ой, красная молодость, / Соединяющая людей! / Ой, слабая старость, / Людей разъединяющая!». Далее поэт как бы отделяет пожилых участников посиделок от молодых. Пожилые сидят в своем углу, причем, сидят старики, а старухи лежат на печи. Образ тесноты окончательно исчезает, поскольку старость не сближает, а разъединяет. Завершающая строфа стихотворения, на первый взгляд, парадоксальна, потому что Куратов от веселья посиделок вдруг переходит к скорби могилы: «Среди стариков / Свободных мест все больше, / Когда и для старения / Больше не годятся, / Каждый ложится в свою могилу» [Куратов, 1979, 40].

Однако в космическом символизме беседной избы такой переход вполне оправдан. Старые и молодые представляют собой движение поколений, приходящих в мир и уходящих из него. Стихотворение начинается входом в беседную избу, «в горницу», и входящий тождествен рождущемуся в мире. Переход от «тесноты» молодости, сопровождающийся символикой свадьбы, к «не-тесноте» – старости выражает идею жизни, прожитой именно в этой избе – мире. Поэтому выход из этой избы возможен только в смерть. Неслучайно, в поэме «*Пасьяс синтёмлён*» («Записки слепого», 1874), написанной незадолго до смерти самого Куратова, уставший от жизни поэт риторически спрашивает: *Бара му выв лоис меным тюрма; / Дыр-ё петан өдзёсё ог сюр ме?* «Снова земля кажется мне тюрьмой / Долго ли я буду искать двери для выхода?» [Куратов, 1979, 301].

Лирика Куратова не ограничивается психологизмом крестьянской темы. Гражданские мотивы так или иначе включаются в контекст крестьянских историй и в конце концов обретают самостоятельность, отражая окружающую действительность. Таковы стихотворения «*Корысь*» («Нищий», 1865); «*Ой, лун-вой сёйысьяс!*» («Ой, вы, бездельники!», 1865), «*Коми баллада*» (1865), «*Велёдомыс тёдса*» («Учение известно», 1865), «*Батьё, эн шу...*» («Не говори, отче...», 1865), «*Мича гёстьяс*

чуждотчисны) («Красивые гости собрались», 1865) и др. Бедность и богатство, нужда, человеческие пороки – вот основные мотивы этих произведений, созданных в стиле жанровых сцен, стихотворных фельетонов, лирических размышлений о жизни. Вот нищий, которого богатый крестьянин угощает хлебной горбушкой, старательно выбрав мякоть. Но нищий рад и этому: он кланяется всем телом, видя в этом проявление человеческой доброты, и обещает Богу, что из-за этого он не повесится в лесу (*Корысь* «Нищий»). В стихотворении «*Ой, лун-вой сёйысьяс!*» («Ой, вы, бездельники!») поэт показывает богачам-бездельникам, всегда сытно едящим, что рядом с ними живут и голодные, приходящие просить подаяние под их окна. Богатство тщетно: «...Когда богача иссушит скорбь, / А болезнь откроет крышку гроба, / Его самого съедят черви!».

Куратов изображает житейскую пошлость, подавляющую нравственность, попрание человеческого достоинства, невыносимые условия жизни многих людей, в этом неповинных. Поэт следует здесь не только «школе Некрасова»: все лучшие образцы литературы того времени призывали к искоренению социального зла. Причём это касалось не только литературы России, но всей европейской, где, как пишет А.Н. Пыпин, «развивался в те годы усиленный интерес к реальным вопросам общественности: распространение социализма и демократических учений сопровождалось в литературе, в романе, повести, драме, участием к положению народной массы, где под грубою корою невежества и бедности открывали добродетель в противоположность испорченности высших классов, и социальный вопрос ставили как требование политической справедливости» [Пыпин 1889, 595]. Куратов остро чувствует все эти проблемы, он понимает, что политическое устройство России имеет недостатки, а жизнь полна несправедливости, но принять сторону социалистов или демократов и участвовать в их борьбе хотя бы на уровне своих литературных сочинений он не может. По его глубокому убеждению, возможно, усвоенному из ценностных установок духовного сословия, зло в обществе – явление не политическое или социальное, оно в природе самого человека и имеет экзистенциальные корни. Борьба со злом надо, но не политическими средствами.

Эта позиция особенно ясно показана в философском стихотворении «*Тьма*» (1865), своеобразном отклике Куратова на события середины 60-х гг. XIX века: польское восстание и гражданскую казнь почитаемого Куратовым Н.Г. Чернышевского. Значение символа «тьма», вынесено в название стихотворения из Нового Завета: «*Тьма мира* есть господствующее в мире зло. В Евангелии (от Иоанна) торжество зла ... поставлено в связь с действием дьявола, или сатаны, он же – князь мира» [Кассиан 2006, 58]. Мир, в котором живёт поэт, показан в процессе завоевания его *тьмой*, силами зла: *Миян мувылын сьод вой / Сувтём ме огтёд ни корсянь; / Войын йёзыс сьоджэ, тась / Весьшёрё тай йёзс корсян...* «На нашей земле черная ночь / Встала, я не помню ее начала; / Ночью люди черны как ночь, / Поэтому трудно отыскать во тьме человека». Это стихотворение-аллегория, размышление поэта о настоящем и предчувствие будущего. Характерно, что роль Поэта в лирическом сюжете пассивна. Он не призывает на борьбу с тьмой, только предсказывает, что уже видит зарю, но до восхода не доживёт, задохнувшись во тьме. То, что освобождение от власти тьмы не зависит от воли людей, указывает на символику божественного провидения, а заблестевшая на солнце небесная роса – в последней строке стихотворения имеет смысл небесной благодати, дарованной оставшимся в живых [Куратов, 1979, 71].

В том же 1865 году Куратов пишет ещё два философских стихотворения, тематически близких рассмотренному: «*Со бара тьмады лолын лоис*» («Опять в душе моей темно») и «*Самсон*» («Самсон»). Ключевыми образами, позволяющим объединить эти три стихотворения в цикл, являются образы *тьмы* и *Поэта*, противопоставленного этой тьме. Если в первом стихотворении вселенская *тьма* окружает *Поэта*, а сам он призван предсказать зарю и погибнуть, то во втором *тьма* заполняет его душу. Причина тьмы в душе – скорби, которыми переполнен мир. Герой стихотворения активен, он призывает светопреставление, чтобы погиб весь этот мир со всем человеческим родом, с его добром и злом, остался только Бог и создал бы мир заново. Чисто технически стихотворение строится как антитеза Пушкинскому «Подражанию Корану» [Тираспольский 1999, 149–150], утверждающему незыблемость мироустройства. Но если мир устроен несправедливо, то поэт волен уничтожить его своим словом, обладающим космической мощью. Отсюда – мостик к стихотворению «Самсон».

Сюжет стихотворения целиком взят из известной ветхозаветной легенды об ослеплённом врагами богатыре. Как раз в середине XIX в. на почве русской литературы появляется стихотворная версия этой легенды в изложении Н. М. Языкова «Самсон» (1848), а немного позднее – перевод, сделанный М. Л. Михайловым, стихотворения Г. Лонгфелло «Предостережение» [Тираспольский 1990, 89–93]. Объединяющим для этих произведений является обобщенно-символическая трактовка образа

Самсона: в стихотворении Г. Лонгфелло и в переводе М. Л. Михайлова это – «взбунтовавшийся тираноборец, народный заступник» [Тираспольский 1990, 91], а в стихотворении Н. М. Языкова – гигант, сурово мстящий за предательство. Созданный по этим образцам Самсон Куратова выступает плененным Поэтом-бунтарем, восставшим против рутины обывательского мира. В этом контексте ослепление Самсона противопоставлено слепоте толпы, не увидевшей и не признавшей его поэтического таланта, в то же время суду толпы противопоставлен суд Самсона, разрушающего дворец-мир. Звучащие из-под руин слова: «Дорогу талантливым!» – это напоминание обывательскому миру о предназначении Поэта и его неподсудности мирским законам толпы. Несмотря на наличие разных версий переводов стихотворения Лонгфелло, «Самсон» Куратова не является переводным произведением. Это авторская интерпретация библейского образа, хотя, возможно, она и навеяна переводом Михайлова.

В традиционной интерпретации оба последних стихотворения считаются выражением революционных взглядов Куратова. К примеру, для П.Г. Доронина «Тьма», объявляющая весь мир, символизирует «политическое бесправие и реакционную политику» самодержавия, а в образе ослеплённого Самсона он видит «непобедимую силу народных масс» [Доронин 1939, XXV]. В. П. Мартынов обнаруживал в стихотворении «Пемыд» («Тьма») прямой призыв к «насильственному ниспровержению существующего строя» [Мартынов 1976, 66], в стихотворении «Самсон» – «веру в будущий переворот и победу в нем народа», а в герое стихотворения – образ предводителя крестьянского восстания [Мартынов 1986, 37]. На самом деле подобные интерпретации этих стихотворений сегодня выглядят наивно. Образ тьмы, павшей на человечество, появился задолго до рождения Российской империи, а в стихотворении «Самсон» говорится о плененном обстоятельством таланте, но никак не о предводителе крестьянского бунта. Вопрос о политических взглядах Куратова требует отдельного рассмотрения. Что касается крестьянской темы, то здесь Куратов далёк от призывов своих сородичей к революционной борьбе. Взяв у Некрасова всё лучшее, что последний привнёс в русскую поэзию, он не стал в своём творчестве отвечать на заданный Герценом вопрос «Кто виноват?». Крестьянский мир Ивана Куратова – это мир сложных человеческих отношений. На примере крестьянских судеб поэт ставит перед читателем вопросы: что есть добро и зло, в чем смысл человеческого бытия, жизни и смерти, что есть бессмертие? Ответы на них предстоит найти самому читателю.

ЛИТЕРАТУРА

- Вулих Н. В. Поэзия добра и света. Лирика И.А. Куратова и некрасовская школа. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. 72 с.
- Доронин П. Г. Водзкыв (Предисловие) // Куратов И.А. Художественной произведенийяс. Сыктывкар, 1939. С. V–LIV
- Егоров Б. Ф. Эволюция в понимании народности литературы в русской критике середины 1850-х годов // Ученые записки. Вып. 266: Труды по русской и славянской филологии. 18. Литературоведение. Tartu, 1971. С. 53–70.
- Ельцова Е. В. «Солнце одно освещает степи и лес...». О творческих взаимосвязях коми и украинской литератур. // Арт, 2018. №1. С. 44.
- Кассиан, епископ (Безобразов). Лекции по Новому Завету. Евангелие от Иоанна. Paris: Institut de Teologie Ortodoxe, 2006. 329 с.
- Куратов И. А. Менам муза. Художественной гиждчукор (Куратов И. А. Моя муза. Собрание художественных произведений). Сыктывкар, 1979. 608 с.
- Куратов И. А. Ты бесконечна, жизнь / Сост. В.И. Мартынов. Сыктывкар, 1988. С. 8-101.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. 399 с.
- Мартынов В. И. Комментарии [Comments] // Ты бесконечна, жизнь. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1988. С. 101–145.
- Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. IV. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1889. 647 с.
- Пыпин А. Н. Приложение. Значение Гоголя в создании современного международного положения русской литературы // Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. С. XIV.
- Скатов Н. Н. Н. А. Некрасов // История русской литературы XIX века: (Вторая половина): Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Н. Н. Скатов, Ю. В. Лебедев, А. И. Журавлева и др.; Под ред. Н. Н. Скатова. М.: Просвещение, 1991. С. 148–189.
- Скатов Н. Н. Поэты некрасовской школы //История русской литературы. Т.3. Расцвет реализма. Л.: Наука, 1982. С. 382–402.

- Сурнина Л. С. Творчество И.А. Куратова // Иван Алексеевич Куратов – поэт, лингвист, просветитель. Сыктывкар: Издательский дом Коми, 2014. С.297 – 314.
Тираспольский Г. И. Эхо Пушкинской лиры. Сыктывкар, 1999. 256 с.
Тираспольский Г. И. О творческой истории стихотворения Куратова «Самсон» // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1990. С.87-98.
Фёдорова А. Н. И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества. Сыктывкар, 1975. 192 с.

Работа выполнена в рамках плановой темы НИР (рег. № 121051400044-2).

Поступила в редакцию 14.03.2022

Лимеров Павел Федорович,
кандидат филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»,
167982, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.,
главный редактор журнала «Арт-Лад», член СП России
E-mail: plimeroff@mail.ru

P. F. Limerov

THE PEASANT WORLD OF IVAN KURATOV: THE INFLUENCE OF N. A. NEKRASOV'S POETRY ON THE ZYRYAN POET'S WORK

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-440-450

In the history of Komi national culture, the creativity of I.A. Kuratov is a phenomenon of great social and artistic significance. It marked the beginning of creation of the Komi literary tradition and the inclusion of this tradition in the all-Russian literary process. The article examines the poems of I.A. Kuratov devoted to the peasant theme, and offers their analytical reading in the context of the works of the Nekrasov school of Russian poetry. Kuratov's appeal to the peasant theme was not a tribute to the conjuncture, a fashion "for the people" that arose in Russian literature by the middle of the 19th century. Kuratov saw his task in creating a panorama of Komi peasant life – in individual human destinies, characters, in the attitude of these people, their philosophy of life.

Keywords: poetic system, peasant world, Komi people, Nekrasov school, national character, philosophical lyrics, theme of death.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 3, pp. 440–450. In Russian.

REFERENCES

- Vulih N. V.* Poeziya dobra i sveta. Lirika I.A. Kuratova i nekrasovskaya shkola. [The poetry of goodness and light. Lyrics by I.A. Kuratov and the Nekrasov School]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izd-vo. Publ., 1994. 72 p. In Russian.
Doronin P. G. Vodzkyv (Predislovie) [Preface] // Kuratov I.A. Hudozhdestvennoj proizvedeniyas [Kuratov I.A. The artistic works]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izd-vo Publ., 1939. P.V – LIV. In Komi
Kassian, episkop (Bezobrazov). Lekcii po Novomu Zavetu. Evangelie ot Ioanna [Lectures on the New Testament. The Gospel of John]. Paris: Institut de Teologie Ortodoxe. Publ., 2006. 329 p. In Russian.
Kuratov I. A. Menam muza. Hudozhestvennoj gizhöd chukör (Kuratov I.A. Moya muza. Sobranie hudozhestvennyh proizvedenij) [Kuratov I.A. My muse. Collection of works of art]. Syktyvkar. Publ, 1979. 608 p. In Komi.
Kuratov I. A. Ty beskonechna, zhizn' [Kuratov I.A. You are infinite, life] / Sost. V. I. Martynov. Syktyvkar. Publ, 1988. P. 8-101. In Russian.
Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture [Conversations about Russian culture]. SPb. Publ., 1994. 399 p. In Russian.
Martynov V. I. Kommentarii // Ty beskonechna, zhizn' [You are infinite, life]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izd-vo, Publ, 1988. P. 101 – 145. In Russian.
Pypin A. N. Istoriya russkoj literatury [History of Russian Literature]. Vol. IV. SPb.: Printing house of M.M. Stasyulevich/ Publ, 1889. 647 p. In Russian.
Skatov N. N. N.A. Nekrasov // Istoriya russkoj literatury XIX veka: (Vtoraya polovina) [History of Russian literature of the XIX century: (Second half)]: Ucheb. dlya studentov ped. in-tov po spec. «Rus. yaz. i lit.» / N. N. Skatov, Yu. V. Lebedev, A. I. Zhuravleva i dr.; Pod red. N. N. Skatova. M.: Prosveshchenie. Publ., 1991. P. 148 –189.

Skatov N. N. Poety nekrasovskoj shkoly [Poets of the Nekrasov school] // Istorija russkoj literatury [History of Russian literature]. Vol. 3. Rascvet realizma [The heyday of realism]. Leningrad: «Nauka». Publ., 1982. P.382 – 402.

Surnina L. S. Tvorchestvo I.A. Kuratova [Creativity of I.A. Kuratov] // Ivan Alekseevich Kuratov – poet, lingvist, prosvetitel' [Ivan Alekseevich Kuratov - poet, linguist, educator]. Syktyvkar: Izdateľ'skij dom Komi/ Publ, 2014. P. 297 – 314.

Tiraspol'skij G. I. Ekho Pushkinskoj liry [Echo of Pushkin's Lyre]. Syktyvkar. Publ, 1999. 256 p.

Tiraspol'skij G. I. O tvorcheskoj istorii stihotvoreniya Kuratova «Samson» [About the creative history of Kuratov's poem "Samson"] // Kuratovskie chteniya [Kuratov readings]. Syktyvkar. Publ, 1990. P.87-98.

Fyodorova A. N. I.A. Kuratov. Oчерk zhizni i tvorchestva [I.A. Kuratov. An essay on life and creativity]. Syktyvkar. Publ, 1975. 192 p.

Received 14.03.2022

Limerov Pavel Fedorovich,
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Leading researcher,
Institute of Language, Literature and History
Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982, Russian Federation,
Editor-in-chief of the magazine "Art-Lad", member of the Union of Writers of Russia
E-mail: plimeroff@mail.ru